

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин

Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере я люблю сии времена; люблю на быстрых крыльях воображения летать в их отдаленную мрачность, под сению давно истлевших вязов искать брадатых моих предков, беседовать с ними о приключениях древности, о характере славного народа русского и с нежностью целовать ручки у моих прабабушек, которые не могут насмотреться на своего почтительного правнука, но могут наговориться со мною, надивиться моему разуму, потому что я, рассуждая с ними о старых и новых модах, всегда отдаю преимущество их подкапкам, [1] и шубейкам перед нынешними bonnets [2] а Та... и всеми галло-албионскими нарядами [3] блистающими на московских красавицах в конце осьмого-надесять века. Таким образом (конечно, понятным для всех читателей), старая Русь известна мне более, нежели многим из моих сограждан, и если угрюмая Парка еще несколько лет не перережет жизненной моей нити, то наконец не найду я и места в голове своей для всех анекдотов и повестей, рассказываемых мне жителями прошедших столетий. Чтобы облегчить немного груз моей памяти, намерен я сообщить любезным читателям одну быль или историю, слышанную мною в области теней, в царстве воображения, от бабушки моего дедушки, которая в свое время почиталась весьма красноречивою и почти всякий вечер сказывала сказки царице NN. Только страшусь обезобразить повесть ее; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облаке с того света и не наказала меня клюкою своею за худое риторство... Ах нет! Прости безрассудность мою, великодушная тень, – ты неудобна к такому делу! В самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна, как юная овечка; рука твоя не умертвила здесь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоём: итак, возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь в море неопisanного блаженства и дышишь чистейшим эфиром неба, – возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорного праправнука? Нет! Ты дозволишь ему беспрепятственно упражняться в похвальном ремесле мараить бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых, испытывать терпение своих читателей, и наконец, подобно вечно зевающему богу Морфею, низвергать их на мягкие диваны и погружать в глубокий сон... Ах! В самую сию минуту вижу необыкновенный свет в темном моем коридоре, вижу огненные круги, которые вертятся с блеском и с треском и, наконец, – о чудо! – являют мне твой образ, образ неопisanной красоты, неопisanного величества! Очи твои сияют, как солнца; уста твои алеют, как заря утренняя, как вершины снежных гор при восходе дневного светила, – ты улыбаешься, как юное творение в первый день бытия своего улыбалось, и в восторге слышу я сладко-гремящие слова твои: «Продолжай, любезный мой праправнук!» Так, я буду продолжать, буду; и, вооружась пером, мужественно начертаю историю Натальи, боярской дочери. – Но прежде должно мне отдохнуть; восторг, в который привело меня явление прапрабабушки, утомил душевные мои силы. На несколько минут кладу перо – и сии написанные строки да будут вступлением, или предисловием!

В престольном граде славного русского царства, в Москве белокаменной, жил боярин Матвей Андреев, человек богатый, умный, верный слуга царский и, по обычаю русских, великий хлебосол. Он владел многими поместьями и был не обидчиком, а покровителем и заступником своих бедных соседей, – чему в наши просвещенные времена, может быть, не всякий поверит, но что в старину совсем не почиталось редкостью. Царь называл его правым глазом своим, и правый глаз никогда царя не обманывал. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, он призывал к себе в помощь боярина Матвея, и боярин Матвей, кладя чистую руку на чистое сердце, говорил: «Сей прав (не по такому-то указу, состоявшемуся в таком-то году, но) по моей совести; сей виноват по моей совести» – и совесть его была всегда согласна с правдою и с совестью царскою. Дело решилось без замедления: правый подымал на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на доброго государя и доброго боярина, а виноватый бежал в густые леса сокрыть стыд свой от человеков.

Еще не можем мы умолчать об одном похвальном обыкновении боярина Матвея, обыкновении, которое достойно подражания во всяком веке и во всяком царстве, а именно, в каждый двенадесятый праздник [4] поставлялись длинные столы в его горницах, чистыми скатертьми накрытые, и боярин, сидя на лавке подле высоких ворот своих, звал к себе обедать всех мимоходящих бедных [5] людей, сколько их могло поместиться в жилище боярском; потом, собрав полное число, возвращался в

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru дом и, указав место каждому гостю, садился сам между ими. Тут в одну минуту являлись на столах чаши и блюда, и ароматический пар горячего кушанья, как белое тонкое облако, вился над головами обедающих. Между тем хозяин ласково беседовал с гостями, узнавал их нужды, подавал им хорошие советы, предлагал свои услуги и наконец веселился с ними, как с друзьями. Так в древние патриархальные времена, когда век человеческий был не столь краток, почтенными сединами украшенный старец насыщался земными благами со многочисленным своим семейством – смотрел вокруг себя и, видя на всяком лице, во всяком взоре живое изображение любви и радости, восхищался в душе своей. – После обеда все неимущие братья, наполнив вином свои чарки, восклицали в один голос: «Добрый, добрый боярин и отец наш! Мы пьем за твое здоровье! Сколько капель в наших чарках, столько лет живи благополучно!» Они пили, и благодарные слезы их капали на белую скатерть.

Таков был боярин Матвей, верный слуга царский, верный друг человечества. Уже минуло ему шестьдесят лет, уже кровь медленнее обращалась в жилах его, уже тихое трепетание сердца возвещало наступление жизненного вечера и приближение ночи – но доброму ли бояться сего густого, непроницаемого мрака, в котором теряются дни человеческие? Ему ли страшиться его тенистого пути, когда с ним доброе сердце его, когда с ним добрые дела его? Он идет вперед бестрепетно, наслаждается последними лучами заходящего светила, обращает покойный взор на прошедшее и с радостным – хотя темным, но не менее того радостным предчувствием заносит ногу в оную неизвестность. – Любовь народная, милость царская были наградою добродетелен старого боярина; но венцом его счастья и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакал он мать ее, которая заснула вечным сном в его объятиях, но кипарисы супружеской любви покрылись цветами любви родительской – в юной Наталье увидел он новый образ умершей, и, вместо горьких слез печали, воссияли в глазах его сладкие слезы нежности. Много цветов в поле, в рощах и на лугах зеленых, но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было красавиц в Москве белокаменной, ибо царство русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравняться с Натальею – Наталья была всех прелестнее. Пусть читатель вообразит себе белизну италийского мрамора и кавказского снега: он все еще не вообразит белизны лица ее – и, представя себе цвет зефировой любовницы, [6] все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек Натальиных. Я боюсь продолжать сравнение, чтобы не наскучить читателю повторением известного, ибо в наше роскошное время весьма истощился магазин пиитических уподоблений красоты, и не один писатель с досады кусает перо свое, ища и не находя новых. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обедни, забывали класть земные поклоны, и самые пристрастные матери отдавали ей преимущество перед своими дочерьми. Сократ говорил, что красота телесная бывает всегда изображением душевной. Нам должно поверить Сократу, ибо он был, во-первых, искусным ваятелем (следственно, знал принадлежности красоты телесной), а во-вторых, мудрецом или любителем мудрости (следственно, знал хорошо красоту душевную). По крайней мере наша прелестная Наталья имела прелестную душу, была нежна, как горлица, невинна, как агнец, мила, как май месяц; одним словом, имела все свойства благовоспитанной девушки, хотя русские не читали тогда ни Локка «О воспитании», ни Руссова «Эмилия» – во-первых, для того, что сих авторов еще и на свете не было, а во-вторых, и потому, что худо знали грамоте, – не читали и воспитывали детей своих, как натура воспитывает травки и цветочки, то есть поили и кормили их, оставляя все прочее на произвол судьбы, но сия судьба была к ним милостива и за доверенность, которую имели они к ее всемогуществу, награждала их почти всегда добрыми детьми, утешением и подпорою их старых дней.

Один великий психолог, которого имени я, право, не упомяну, сказал, что описание дневных упражнений человека есть вернейшее изображение его сердца. По крайней мере я так думаю и с дозволения моих любезных читателей опишу, как Наталья, боярская дочь, проводила время свое от восхода до заката красного солнца. Лишь только первые лучи сего великолепного светила показывались из-за утреннего облака, изливая на тихую землю жидкое, неосызаемое золото, красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои и, перекрестившись белою атласною, до нежного локтя обнаженною рукою, вставала, надевала на себя тонкое шелковое платье, камчатную телогрею и с распущенными темно-русскими волосами подходила к круглому окну высокого своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой природы, – взглянуть на златоглавую Москву, с которой лучезарный день снимал туманный покров ночи и которая, подобно какой-нибудь огромной птице, пробужденной гласом утра, в веянии ветерка стряхивала с себя блестящую росу, – взглянуть на московские окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьяну рошу, которая, как сизый, кудрявый дым, терялась от глаз в неизмеримом отдалении

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru и где жили тогда все дикие звери севера, где страшный рев их заглушал мелодии птиц поющих. С другой стороны являлись Натальину взору сверкающие изгибы Москвы-реки, цветущие поля и дымящиеся деревни, откуда с веселыми песнями выезжали трудолюбивые поселяне на работы свои, – поселяне, которые и по сие время ни в чем не переменялись, так же одеваются, так живут и работают, как прежде жили и работали, и среди всех изменений и личин представляют нам еще истинную русскую физиогномию. Наталья смотрела, опершись на окно, и чувствовала в сердце своем тихую радость; не умела красноречиво хвалить природы, но умела ее наслаждаться; молчала и думала: «Как хороша Москва белокаменная! Как хороши ее окрестности!» Но того не думала Наталья, что сама она в утреннем своем наряде была всего прекраснее. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидениями, красила нежные щеки ее алейшим румянцем, солнечные лучи играли на белом ее лице и, проникая сквозь черные, пушистые ресницы, сияли в глазах ее светлее, нежели на золоте. Волосы, как темно-кофейный бархат, лежали на плечах и на белой полукрытой груди, но скоро прелестная скромность, стыдясь самого солнца, самого ветерка, самых немых стен закрывала ее полотном тонким. Потом будила она свою няню, верную служанку ее покойной матери. «Вставай, мама! – говорила Наталья. – Скоро заблаговестят к обедне». Мама вставала, одевалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ее длинные волосы белым костяным гребнем, заплетала их в косу и украшала голову пашей прелестницы жемчужною повязкою. Таким образом снарядившись, дожидались они благовеста и, заперев замком светлицу свою (чтобы в отсутствие их не закрался в нее какой-нибудь недобрый человек), отправлялись к обедне. «Всякий день?» – спросит читатель. Конечно, – таков был в старину обычай – и разве зимою одна жестокая вьюга, а летом проливной дождь с грозой могли тогда удержать красную девицу от исполнения сей набожной должности. Становясь всегда в уголке трапезы, [7] Наталья молилась богу с усердием и между тем исподлобья посматривала направо и налево. В старину не было ни клобов, [8] ни маскарадов, куда ныне ездят себя казать и других смотреть; итак, где же, как не в церкви, могла тогда любопытная девушка поглядеть на людей? После обедни Наталья раздавала всегда несколько копеек бедным людям и приходила к своему родителю, с нежною любовию поцеловать его руку. Старец плакал от радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милее, и не знал, как благодарить бога за такой неоцененный дар, за такое сокровище. Наталья садилась подле него или шить в пяльцах, или плести кружево, или сучить шелк, или низать ожерелье. Нежный родитель хотел смотреть на работу ее, но вместо того смотрел на нее самое и наслаждался безмолвным умлением. Читатель! Знаешь ли ты по собственному опыту родительские чувства? Если нет, то вспомни по крайней мере, как любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или беленьким ясьмином, тобою посаженным, с каким удовольствием рассматривал ты их краски и тени и сколь радовался мыслию: «Это – мой цветок; я посадил его и вырастил!», вспомни и знай, что отцу еще веселее смотреть на милую дочь и веселее думать: «Она – моя!» – После русского сытного обеда боярин Матвей ложился отдыхать, а дочь свою с ее мамою отпуская гулять или в сад, или на большой зеленый луг, где ныне возвышаются красные ворота с трубящею Славою. Наталья рвала цветы, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханием трав, возвращалась домой весела и покойна и принималась снова за рукоделье. Наступал вечер – новое гулянье, новое удовольствие; иногда же юные подруги приходили делить с нею часы прохлады [9] и разговаривать о всякой всячине. Сам добрый боярин Матвей бывал их собеседником, если государственные или нужные домашние дела не занимали его времени. Седая борода его не пугала молодых красавиц; он умел забавлять их приятным образом и рассказывал им приключения благочестивого князя Владимира и могучих богатырей российских.

Зимою, когда нельзя было гулять ни в саду, ни в поле, Наталья каталась в санях по городу и ездила по вечеринкам, на которые собирались одни девушки, тешиться и веселиться и невинным образом сокращать время. Там мамы и няни выдумывали для своих барышень разные забавы: играли в жмурки, прятались, хоронили золото, [10] пели песни, резвились, не нарушая благопристойности, и смеялись без насмешек, так что скромная и целомудренная дриада могла бы всегда присутствовать на сих вечеринках. Глубокая полночь разлучала девушек, и прелестная Наталья в объятиях мрака наслаждалась покойным сном, которым всегда юная невинность наслаждается.

Так жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ее наступила; травка зазеленелась, цветы расцвели в поле, жаворонки запели – и Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички и, нежно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались в густоту листьев. Красавица в первый раз заметила, что они летали парами – сидели парами и скрывались парами. Сердце ее как будто бы вздрогнуло – как будто бы

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru какой-нибудь чародей дотронулся до него волшебным жезлом своим! Она вздохнула – вздохнула в другой и в третий раз – посмотрела вокруг себя – увидела, что с нею никого не было, никого, кроме старой няни (которая дремала в углу горницы на красном весеннем солнышке), – опять вздохнула, и вдруг бриллиантовая слеза сверкнула в правом глазе ее, – потом и в левом – и обе выкатились – одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной щеке, в маленькой нежной ямке, которая у милых девушек бывает знаком того, что Купидон целовал их при рождении. Наталья подгорюнилась – чувствовала некоторую грусть, некоторую томность в душе своей; все казалось ей не так, все неловко; она встала и опять села, наконец, разбудив свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскует. Старушка начала крестить милую свою барышню и с некоторыми набожными оговорками[11] бранить того человека, который взглянул на прекрасную Наталью нечистым глазом или похвалил ее прелести нечистым языком, не от чистого сердца, не в добрый час, ибо старушка была уверена, что ее сглазили и что внутренняя тоска ее происходит не от чего другого. Ах, добрая старушка! Хотя ты и долго жила на свете, однако ж многого не знала; не знала, что и как в некоторые лета начинается у нежных дочерей боярских; не знала... Но, может быть, и читатели (если до сей минуты они все еще держат в руках книгу и не засыпают), – может быть, и читатели не знают, что за беда случилась вдруг с нашею героинею, чего она искала глазами в горнице, отчего вздыхала, плакала, грустила. Известно, что до сего времени веселилась она, как вольная птичка, что жизнь ее текла, как прозрачный ручеек стремится по беленьким камешкам между зланных, цветущих бережков; что ж сделалось с нею? Скромная Муза, поведай!.. – С небесного лазоревого свода, а может быть, откуда-нибудь и повыше, слетела, как маленькая птичка колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху и влетела в Натальино нежное сердце – потребность любить, любить, любить!!! Вот вся загадка; вот причина красавицыной грусти – и если она покажется кому-нибудь из читателей не совсем понятною, то пусть требует он подробнейшего изъяснения от любезнейшей ему осямнадцатилетней девушки.

С сего времени Наталья во многом переменялась – стала не так жива, не так резва – иногда задумывалась, – и хотя по-прежнему гуляла в саду и в поле, хотя по-прежнему проводила вечера с подругами, но не находила ни в чем прежнего удовольствия. Так человек, вышедший из лет детства, видит игрушки, которые составляли забаву его младенчества, – берется за них, хочет играть, но, чувствуя, что они уже не веселят его, оставляет их со вздохом. – Красавица наша не умела самой себе дать отчета в своих новых, смешанных, темных чувствах. Воображение представляло ей чудеса. Например, часто казалось ей (не только во сне, но даже и наяву), что перед нею, в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит ее к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе. «Ах!» – восклицала Наталья, и простертые руки ее медленно опускались к земле. Иногда же воспаленным мыслям ее представлялся огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин, спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку. Наталья хотела также войти в него, но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвестный голос говорил ей; «Стой в притворе храма; никто без милого друга не входит в его внутренность». – Она не понимала сердечных своих движений, не знала, как толковать сны свои, не разумела, чего желала, но живо чувствовала какой-то недостаток в душе своей и томилась. – Так, красавицы! ваша жизнь с некоторых лет не может быть счастлива, если течет она, как уединенная река в пустыне, а без милого пастушка целый свет для вас пустыня, и веселые голоса подруг, веселые голоса птичек кажутся вам печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самих себя, хотите вы пустоту души своей наполнить чувствами девической дружбы, напрасно избираете лучшую из подруг своих в предмет нежных побуждений вашего сердца! Нет, красавицы, нет! Сердце ваше желает чего-то другого: оно хочет такого сердца, которое не приближалось бы к нему без сильного трепета, которое вместе с ним составляло бы одно чувство, нежное, страстное, пламенное – а где найти его, где? Конечно, не в Дафне, конечно, не в Хлое, [12] которые вместе с вами могут только горевать, тайно или явно – горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите в холодной дружбе, но что найдете – или в противном случае вся жизнь ваша будет беспокойным, тяжелым сном, – найдете в тени миртовой беседки, где сидит теперь в унынии, в тоске милый юноша с светло-голубыми или черными глазами и в печальных песнях жалуется на вашу наружную жестокость. – Любезный читатель! Прости мне сие отступление! Не один Стерн был рабом пера своего. – Обратимся снова к нашей повести. Боярин Матвей скоро заметил, что Наталья стала пасмурнее: родительское сердце его потревожилось. Он расспрашивал ее с нежною заботливостью о причине такой перемены и, наконец, заключив, что дочей его не может, отправил нарочного гонца к столетней тетке своей, которая жила в темноте Муромских лесов, собирала травы и корни, обходилась более с

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru волками и медведями, нежели с людьми русскими, и прослыла если не чародейкою, то по крайней мере велемудрою старушкою, искусною в лечении всех недугов человеческих. Боярин Матвей описал ей все признаки Натальиной болезни и просил, чтобы она посредством своего искусства возвратила внуке здоровье, а ему, старику, радость и спокойствие. – Успех сего посольства остается в неизвестности; впрочем, нет большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить к описанию важнейших приключений.

Время и в старину так же скоро летело, как ныне, и, между тем как наша красавица вздыхала и томилась, год перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лета покрылись пушистым снегом, грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула вьюгами на русское царство, то есть зима наступила, и Наталья по своему обыкновению пошла однажды к обедне. Помолившись с усердием, она не нарочно обратила глаза свои к левому крылосу – и что же увидела? Прекрасный молодой человек, в голубом кафтане с золотыми пуговицами, стоял там, как царь среди всех прочих людей, и блестящий пронизательный взор его встретился с ее взором, Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказало ей: «Вот он!..» Она потупила глаза свои, но ненадолго; снова взглянула на красавца, снова запылала в лице своем и снова затрепетала в своем сердце. Ей казалось, что любезный призрак, который ночью и днем прельщал ее воображение, был не что иное, как образ сего молодого человека, – и потому она смотрела на него как на своего милого знакомца. Новый свет воссиял в душе ее, как будто бы пробужденной явлением солнца, но еще не пришедшей в себя после многих несвязных и замешанных сновидений, [13] волновавших ее в течение долгой ночи. «Итак, – думала Наталья, – итак, подлинно есть на свете такой милый красавец, такой человек – такой прелестный юноша?... Какой рост! Какая осанка! Какое белое, румяное лицо! А глаза, глаза у него, как молния; я, робкая, боюсь глядеть на них. Он на меня смотрит, смотрит очень пристально – даже и тогда, когда молится. Конечно, и я знакома ему; может быть, и он, подобно мне, грустил, вздыхал, думал, думал и видел меня, – хотя темно, однако ж видел так, как я видела его в душе моей».

Читатель должен знать, что мысли красных девушек бывают очень быстры, когда в сердце у них начинает ворошиться то, чего они долго не называют именем и что Наталья в сии минуты чувствовала. Обедня показалась ей очень коротка. Няня десять раз дергала ее за камчатную телогрею и десять раз говорила ей: «Пойдем, барышня; все кончилось». Но барышня все еще не трогалась с места, для того что и прекрасный незнакомец стоял как вкопанный подле левого крылоса; они посматривали друг на друга и тихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрения своего, ничего не видала и думала, что Наталья читает про себя молитвы и для того нейдет из церкви. Наконец дьячок загремел ключами: тут красавица опомнилась и, видя, что церковь хотят запирать, пошла к дверям, а за него и молодой человек – она влево, он направо. Наталья раза два обступилась, раза два роняла платок и должна была ворочаться назад; незнакомец оправлял кушак свой, стоял на одном месте, смотрел – на красавицу и все еще не надевал бобровой шапки своей, хотя на дворе было холодно.

Наталья пришла домой и ни о чем больше не думала, как о молодом человеке в голубом кафтане с золотыми пуговицами. Она была не печальна, однако ж и не очень весела, подобно такому человеку, который наконец узнал, в чем состоит его блаженство, но имеет еще слабую надежду им насладиться. За обедом она не ела, по обыкновению всех влюбленных, – ибо для чего не сказать нам прямо и просто, что Наталья влюбилась в незнакомца? «В одну минуту? – скажет читатель. – Увидев в первый раз и не слышав от него ни слова?» Милостивые государи! Я рассказываю, как происходило самое дело: не сомневайтесь в истине; не сомневайтесь в силе того взаимного влечения, которое чувствуют два сердца, друг для друга сотворенные! А кто не верит симпатии, тот поди от нас прочь и не читай нашей истории, которая сообщается только для одних чувствительных душ, имеющих сию сладкую веру!

Когда боярин Матвей после обеда заснул (не на вольтеровских креслах, так, как ныне спят бояре, а на широкой дубовой лавке), – Наталья пошла с нянею в светлицу свою, села под любимым окном, вынула из кармана белый платок, хотела что-то сказать, но раздумала – взглянула на оконечны, расписанные морозом, – оправила жемчужную повязку на голове своей и потом, смотря себе на колени, тихим и немного дрожащим голосом спросила у няни, каков показался ей молодой человек, бывший у обедни? Старушка не понимала, о ком говорит она. Надлежало изъясниться, но легко ли это для стыдливой девушки? «Я говорю о том, – продолжала Наталья, –

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru о том, который – который был всех лучше». Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что он стоял подле левого крылоса и вышел из церкви за ними. «Я не приметил его», – холодно отвечала старушка, и Наталья тихонько пожалала прекрасными своими плечиками, удивляясь, как можно было его не приметить!

На другой день Наталья пришла всех ранее к обедне и вышла всех позже из церкви, но красавца в голубом кафтане там не было – на третий день также не было, и чувствительная боярская дочь не хотела ни пить, ни есть, перестала спать и насилу ходить могла, однако ж старалась таить внутреннее свое мучение как от родителя, так и от няни. Только по ночам лились слезы ее на мягкое изголовье. «Жестокий, – думала она, – жестокий! Зачем скрываешься от глаз моих, которые тебя всеминутно ищут? Разве ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру – и ты не выронишь ни слезки на гробе злосчастной!» – Ах! Для чего самая нежнейшая, самая пламеннейшая из страстей родится всегда с горестию, ибо какой влюбленный не вздыхает, какой влюбленный не тоскует в первые дни страсти своей, думая, что его не любят взаимно?

На четвертый день Наталья опять пошла к обедне, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокий мороз, ни на то, что боярин Матвей, приметив накануне необыкновенную бледность ее лица, просил ее беречь себя и не выходить со двора в холодное время. Еще никого не было в церкви. Красавица, стоя на своем месте, смотрела на двери. Вошел первый человек – не он! Вошел другой – не он! Третий, четвертый – все не он! Вошел пятый, и все жилки затрепетали в Наталье – это он, тот красавец, которого образ навсегда в душе ее впечатлелся! От сильного внутреннего волнения она едва не упала и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомец поклонился на все четыре стороны, а ей особливо, и притом гораздо ниже и почтительнее, нежели прочим. Томная бледность изображалась на его лице, но глаза его сияли еще светлее прежнего; он смотрел почти беспрестанно на прелестную Наталью (которая от нежных чувств стала еще прелестнее), и вздыхал так неосторожно, что она приметила движение груди его и, невзирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алела в сию минуту на щеках милой нашей красавицы, любовь сияла в ее зорах, любовь билась в ее сердце, любовь подымала руку ее, когда она крестилась. – Час обедни был для нее одною блаженною секундою. Все стали выходить из церкви; она вышла после всех, а с нею и молодой человек. Вместо того чтобы идти опять в другую сторону, он пошел уже следом за Натальею, которая поглядывала на него и через правое и через левое плечо свое. Чудное дело! Любовники никогда не могут насмотреться друг на друга, подобно как алчный корыстолюбец не может никогда насытиться золотом. – У ворот боярского дому Наталья в последний раз взглянула на красавца и нежным взглядом сказала ему: «Прости, милый незнакомец!» Калитка хлопнула, и Наталье послышалось, что молодой человек вздохнул; по крайней мере она сама вздохнула. – Старушка няня была на сей раз приметливее и, не дождавшись еще ни слова от Натальи, начала говорить о незнакомом красавце, который провожал их от церкви. Она хвалила его с великим жаром, доказывала, что он похож на ее покойного сына, не сомневалась в знатном роде его и желала барышне своей такого супруга. Наталья радовалась, краснелась, задумывалась, отвечала: «Да!», «Нет!» и сама не знала, что отвечала.

На другой, на третий день опять ходили к обедне, видели, кого видеть желали, – возвращались домой и у ворот говорили нежным взглядом: «Прости!» Но сердце красной девушки есть удивительная вещь: чем оно довольно ныне, тем недоволено завтра – все более и более, и желаниям конца нет. Таким образом, и Наталье показалось уже мало того, чтобы смотреть на прекрасного незнакомца и видеть нежность в глазах его; ей захотелось слышать его голос, взять его за руку, быть поближе к его сердцу и проч. Что делать? Как быть? Такие желания искоренять трудно, а когда они не исполняются, красавице бывает грустно, – Наталья опять принялась за слезы. Судьба, судьба! Ужели ты не сжалишься над нею? Ужели захочешь, чтобы светлые глаза ее от слез померкли? – Посмотрим, что будет.

Однажды перед вечером, когда боярина Матвея не было дома, Наталья увидела в окне, что калитка их растворилась – вошел человек в голубом кафтане, и работа выпала из рук Натальиных – ибо сей человек был прекрасный незнакомец. «Няня! – сказала она слабым голосом. – Кто это?» Няня посмотрела, улыбнулась и вышла вон.

«Он здесь! Няня усмехнулась, пошла к нему, верно, к нему – ах, боже мой! Что будет?» – думала Наталья, смотрела в окно и видела, что молодой человек вошел уже в сени. Сердце ее летело к нему навстречу, но робость говорила ей; «Останься!» Красавица повиновалась сему последнему голосу, только с мучительным

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru принуждением, с великою тоскою, ибо всего несноснее противиться влечению сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годом. Наконец дверь растворилась, и скрип ее потряс Натальину душу. Вошла няня – взглянула на барышню, улыбнулась, и – не сказала ни слова. Красавица также не начинала говорить и только одним робким взором спрашивала: «Что, няня? Что?» Старушка как будто бы веселилась ее смущением, ее нетерпением – долго молчала и спустя уже несколько минут сказала ей: «Знаешь ли, барышня, что этот молодой человек болен?» – «Болен? Чем?» – спросила Наталья, и цвет в лице ее переменялся. – «Очень болен, – продолжала няня, – у него так болит сердце, что бедный не может ни пить, ни есть, бледен как полотно и насилу ходит. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болезнь, и для того он прибрел ко мне, плачет горькими слезами и просит, чтобы я помогла ему. Поверишь ли, барышня, что у меня слезы на глазах навернулись? Такая жалость!» – «Что же, няня? Дала ли ты ему лекарство?» – «Нет; я велела подождать». – «Подождать? Где?» – «В наших сенях». – «Можно ли? Там превеликий холод; со всех сторон несет, а он болен!» – «Что ж мне делать? Внизу у нас такой чад, что он может угореть до смерти; куда ж его ввести, пока изготворю лекарство? Разве сюда? Разве прикажешь ему войти в терем? Это будет доброе дело, барышня; он человек честный – станет за тебя богу молиться и никогда не забудет твоей милости. Теперь же батюшки нет дома – сумерки, темно – никто не увидит, и беды никакой нет: ведь только в сказках мужчины бывают страшны для красных девушек! Как думаешь, сударыня?» Наталья (не знаю, отчего) дрожала и прерывающимся голосом отвечала ей: «Я думаю... как хочешь... ты лучше моего знаешь». Тут няня отворила дверь – и молодой человек бросился к ногам Натальиным. Красавица ахнула, и глаза ее на минуту закрылись; белые руки повисли, и голова приклонилась к высокой груди. Незнакомец осмелился поцеловать ее руку, в другой, в третий раз – осмелился поцеловать красавицу в розовые губы, в другой, в третий раз, и с таким жаром, что мама испугалась и закричала: «Барин! Барин! Помни уговор!» Наталья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встретились с черными глазами незнакомца, ибо они в сию минуту были к ним всего ближе; и в тех и в других изображались пламенные чувства, любовь кипящее сердце. Наталья с трудом могла приподнять голову, чтобы вздохом облегчить грудь свою. Тогда молодой человек начал говорить – не языком романов, но языком истинной чувствительности; сказал простыми, нежными, страстными словами, что он увидел и полюбил ее, полюбил так, что не может быть счастлив и не хочет жить без взаимной ее любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили – но недоверчивый незнакомец желал еще словесного подтверждения и, стоя на коленях, спросил у нее: «Наталья, прекрасная Наталья! Любишь ли меня? Твой ответ решит судьбу мою: я могу быть счастливейшим человеком на свете, или шумящая Москва-река будет гробом моим». – «Ах, барышня! – сказала жалостливая няня. – Отвечай скорее, что он тебе нравен! Ужели захочешь погубить его душу?» – «Ты мил сердцу моему, – произнесла Наталья нежным голосом, положив руку на плечо его. – Дай бог, – примолвила она, подняв глаза на небо и обратив их снова на восхищенного незнакомца, – дай бог, чтоб я была столько же мила тебе!» Они обнялись друг друга; казалось, что дыхание их остановилось. Кто видал, как в первый раз целомудренные любовники обнимаются, как в первый раз добродетельная девушка целует милого друга, забывая в первый раз девическую стыдливость, пусть тот и вообразит себе сию картину; я не смею описывать ее, – но она была трогательна – самая старая няня, свидетельница такого явления, выронила капли две слез и забыла напомнить любовнику об уговоре, но богиня непорочности присутствовала невидимо в Натальином тереме.

После первых минут немного восторга молодой человек, смотря на красавицу, залился слезами. «Ты плачешь?» – сказала Наталья нежным голосом, приклонив голову свою к его плечу. – «Ах! Я должен открыть тебе мое сердце, прелестная Наталья! [14] – отвечал он. – Оно еще не совершенно уверено в своем счастье». – «Что ж ему надобно?» – спросила Наталья и с нетерпением ожидала ответа. – «Обещай, что ты исполнишь мое требование». – «Скажи, скажи, что такое? Исполню, все сделаю, что велишь мне!» – «В нынешнюю ночь, когда зайдет месяц, – в то время, как поют первые петухи, – я приеду в санях к вашим воротам, ты должна ко мне выйти и ехать со мною; вот чего от тебя требую!» – «Ехать? В нынешнюю ночь? Куда?» – «Сперва в церковь, где мы обвенчаемся, а потом туда, где я живу». – «Как? Без ведома отца моего? Без его благословения?» – «Без его ведома, без его благословения, или я погиб!» – «Боже мой!.. Сердце у меня замерло. Уехать тихонько из дому родительского? Что же будет с батюшкою? Он умрет с горя, и на душе моей останется страшный грех. Милый друг! Для чего нам не броситься к ногам его? Он полюбил тебя, благословит и сам отпустит нас в церковь». – «Мы бросимся к ногам его, но через некоторое время. Теперь он не может согласиться на брак наш. Самая жизнь моя будет в опасности, когда меня узнают». – «Когда тебя

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru узнают? Тебя, милого душе моей?... Боже мой! Как люди злы, если ты говоришь правду! Только я не могу поверить. Скажи мне, как тебя зовут?» – «Алексеем». – «Алексеем? Я всегда любила это имя. Что ж беда, если тебя узнают?» – «Все будет тебе известно, когда ты согласишься сделать меня счастливым. Прелестная, милая Наталья! Время проходит, мне нельзя быть долее с тобою. Чтобы родитель твой, которого я сам люблю и почитаю за добрые дела его, – чтобы родитель твой не сокрушался и не почитал дочери своей погибшею, я напишу к нему письмо и уведомя, что ты жива и что он может скоро увидеть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?» – При сих словах, произнесенных твердым голосом, он встал и смотрел огненными, пламенными глазами на красавицу. «Ты меня спрашиваешь? – сказала она с чувствительностию. – Разве я не обещала тебе повиноваться? С самого младенчества привыкла я любить моего родителя, потому что и он любит меня, очень, очень любит (тут Наталья обтерла платком слезы свои, которые одна за другою капали из глаз ее), – тебя знаю недавно, а люблю еще больше: как это случилось, не знаю». – Алексей обнял ее с новым восхищением, снял золотой перстень с руки своей, надел его на руку Наталье, сказал: «Ты моя!» и скрылся, как молния. Старушка няня проводила его со двора.

Вместе с читателем мы искренно виним Наталью; искренно порицаем ее за то, что она, видев только раза три молодого человека и услышав от него несколько приятных слов, вдруг решила бежать с ним из родительского дому, не зная куда, – поручить судьбу свою незнакомому человеку, которого, по собственным речам его, можно было считать подозрительным, – а что всего более – оставить доброго, чувствительного, нежного отца... Но такова ужасная любовь! Она может сделать преступником самого добродетельнейшего человека! И кто, любив пламенно в жизни своей, не поступил ни в чем против строгой нравственности, тот – счастлив! Счастлив тем, что страсть его не была в противоположности с добродетелию, – иначе последняя признала бы слабость свою и слезы тщетного раскаяния полились бы рекою. Летописи человеческого сердца уверяют нас в сей печальной истине.

Что принадлежит до няни, то молодой человек (после того как он увидел Наталью в церкви нашел способ переговорить с нею и склонил ее на свою сторону разными пышными обещаниями и подарками. Увы! Люди, а особливо под старость, бывают падки на серебро и золото. Старушка забыла то, что она более сорока лет служила беспорочно и верно в доме боярина Матвея, – забыла и продала себя незнакомцу. Однако ж, по остатку честности, взяла с него слово жениться на прекрасной Наталье и до того времени не употреблять во зло ее любви и невинности.

Наталья, по уходе своего любовника, стояла несколько минут неподвижно; на лице ее видны были знаки сильных душевных движений, но не сомнения, не колеблемости, – ибо она уже решила! и хотя тихий голос из глубины сердца, как будто бы из отдаленной пещеры, спрашивал ее: «Что ты делаешь, безрассудная?», но другой голос, гораздо сильнейший, в том же самом сердце отвечал за нее: «Люблю!»

Няня возвратилась и старалась успокоить Наталью, говоря ей, что она будет супругою молодого красавца и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. – «Забыть? – перервала Наталья, вслушавшись в последние слова. – Нет! Я буду помнить моего родителя, буду всякий день об нем молиться. К тому же он сказал, что мы скоро бросимся к ногам батюшкиным, – не так ли, няня?» – «Конечно, барышня! – отвечала старушка. – А что он сказал, то будет». – «Верно, будет!» – сказала Наталья, и лицо ее стало веселее.

Боярин Матвей возвратился домой поздно и, думая, что дочь его уже спит, не зашел к ней в терем. Полночь приближалась – Наталья думала не обо сне, а об милом друге, которому навеки отдала она сердце свое и которого с нетерпением ожидала к себе. Еще месяц сиял на небе – месяц, которым прежде глаза ее всегда веселились, теперь он стал ей неприятен; теперь думала красавица: «Как медленно катишься ты по круглому небу! Зайди скорее, месяц светлый! Он, он приедет за мною, когда ты сокроешься!» – Луна опустила – уже часть ее зашла за круг земной – мрак в воздухе сгустился – петухи запели – месяц исчез, и серебряным кольцом брякнули в боярские ворота. Наталья вздрогнула. «Ах, няня! Беги скорее, беги скорее; он приехал!» – Через минуту явился молодой человек, и Наталья бросилась в его объятия. «Вот письмо к твоему родителю», – сказал он, показав бумагу. – «Письмо к моему родителю? Ах! Прочти его! Я хочу слышать, что ты написал». – Молодой человек развернул бумагу и прочитал следующие строки: «Я люблю милую дочь твою более всего на свете – ты не согласишься ли отдать ее за меня – она едет со мною – прости нас! – Любовь всего сильнее – может быть, со временем я буду достоин называться зятем твоим». – Наталья взяла письмо и, хотя не умела читать, однако

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru ж смотрела на него, и слезы лились из глаз ее. «Напиши, – сказала она, – напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться и что эта бумага мокра от слез моих; напиши, что я не вольна сама в себе и чтобы он или забыл, или простил меня». Молодой человек вынул из кармана перо и чернилицу – написал, что говорила Наталья, и оставил письмо на столе. Потом красавица, надев лисью шубу свою, помолившись богу, взяв с собою тот образ, которым благословила ее покойная мать, и подав руку счастливому любовнику, вышла из терема, сошла с высокого крыльца, со двора, – взглянула на родительский дом, обтерла последние слезы, села в сани, прижалась к милому и сказала: «Вези меня куда хочешь!» Кучер ударил по лошадям, и лошади помчались, но вдруг раздался жалобный голос: «Меня покинули, меня, бедную, несчастную!» Молодой человек оглянулся и увидел бегущую няню, которая оставалась на минуту в светлице, чтобы прибрать некоторые из драгоценных Натальиных вещей и которую наши любовники совсем было забыли. Лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали и через четверть часа выехали из Москвы. На правой стороне дороги, вдали, светился огонек; туда поворотили, и Наталья увидела деревянную, низенькую церковь, занесенную снегом. Алексей (читатель не забыл имени молодого человека) – Алексей ввел любовницу свою во внутренность сего ветхого храма, освещенного одною маленькою, слабо горящею лампадою. Там встретил их старый священник, согбенный бременем лет, и дрожащим голосом сказал им: «Я долго ждал вас, любезные дети! вник мой уже заснул». Он разбудил мальчика, в углу церкви спавшего, поставил любовников перед налой и начал их венчать. Мальчик читал, пел, что надобно, с удивлением глядел на жениха и невесту и дрожал при всяком порыве ветра, который шумел в худое окно церкви. Алексей и Наталья молились усердно и, произнося обет свой, смотрели друг на друга с умилением и сладкими слезами. По совершении обряда престарелый священник сказал новобрачным: «Я не знаю и не спрашиваю, кто вы, но именем великого бога, которого нам и мрак ночи и шум бури проповедует (в сие мгновение страшно зашумел ветер), – именем непостижимого, ужасного для злых, для добрых милосердного, обещаю вам благоденствие в жизни, если вы будете всегда любить друг друга, ибо любовь супружеская есть любовь святая, божеству приятная, и кто соблюдает ее в чистом сердце – в нечистом же она жить не может, – тот приятен всевышнему. Грядите с миром и помните слова мои!» Новобрачные приняли благословение от старца, поцеловали руку его, поцеловали друг друга, вышли из церкви и поехали.

Ветер заносил дорогу, но резвые кони летели, как молния, – ноздри их дымились, пар вился столбом, и пушистый снег от копыт их подымался вверх облаками. Скоро путешественники наши въехали в темноту леса, где совсем не было дороги. Старушка няня дрожала от страха, но прекрасная Наталья, чувствуя подле себя милого друга, ничего не боялась. Молодой супруг отводил рукою все ветви и сучья, которые грозили уколоть белое лицо супруги его. Он держал ее в своих объятиях, когда сани опускались во глубину сугробов, и жаркими поцелуями удалял холод от нежных роз, которые цвели на устах ее. Около четырех часов ездили они по лесу, пробираясь сквозь ряды высоких деревьев. Уже лошади начинали утомляться и с трудом вытаскивали ноги свои из глубин снежных; сани двигались медленно, и наконец Наталья, пожав руку своего любезного, тихим голосом спросила у него: «Скоро ли мы приедем?» Алексей посмотрел вокруг себя, на вершины деревьев, и сказал, что жилище его недалеко. В самом деле, через несколько минут выехали они на узкую равнину, где стоял маленький домик, обнесенный высоким забором. Навстречу к ним вышли пять или шесть человек с пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висели у них на кушаках. Старушка няня, видя сие дикое, уединенное жилище, посреди непроходимого леса, видя сих вооруженных людей и приметив на лицах их нечто суровое и свирепое, пришла в ужас, сплеснула руками и закричала: «Ахти! Мы погибли! Мы в руках – у разбойников!»

Теперь мог бы я представить страшную картину глазам читателей – прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваров, убийц, женою атамана разбойников, свидетельницею ужасных злодейств и, наконец, после мучительной жизни, издыхающую на эшафоте под секирою правосудия, в глазах несчастного родителя; мог бы представить все сие вероятным, естественным, и чувствительный человек пролил бы слезы горести и скорби – но в таком случае я удалился бы от исторической истины, на которой основано мое повествование. Нет, любезный читатель, нет! На сей раз побереги слезы свои – успокойся – старушка няня ошиблась – Наталья не у разбойников!

Наталья не у разбойников!.. Но кто же сей таинственный молодой человек, или, говоря языком оссианским, сын опасности и мрака, живущий во глубине лесов? – Прошу читать далее.

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru
Наталья потревожилась восклицанием няни, схватила Алексея за руку и, смотря ему в глаза с некоторым беспокойством, но с полною доверенностью к любимцу души своей, спросила: «Где мы?» Молодой человек взглянул со гневом на старушку, потом, устремив нежный взор на милую Наталью, отвечал ей с улыбкою: «Ты у добрых людей – не бойся». Наталья успокоилась, ибо тот, кого она любила, велел ей успокоиться!

Вошли в домик, разделенный на две половины. «Здесь живут люди мои, – сказал Алексей, указывая направо, – а здесь – я». В первой горнице висели мечи и бердыши, шишаки и панцири, а в другой стояла высокая кровать, и перед иконою богоматери горела лампада. Наталья тут же поставила и свой образ, помолилась и, взглянув умильно на Алексея, низехонько поклонилась ему, как хозяину в доме. Молодой супруг снял с красавицы лисью шубу, дыханием своим отогрел ее руки, посадил ее на дубовую лавку, смотрел на прелестную и плакал от радости. Милая Наталья вместе с ним плакала, ибо нежность и счастье имеют также слезы свои...

Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсем не имела его, зная то, что милый душе ее не может быть злым человеком. Ах! Если бы все люди, сколько их было тогда в русском царстве, в один голос сказали Наталье: «Алексей – злодей!», она бы с тихою улыбкою отвечала им: «Нет!.. Сердце мое знает его лучше, нежели вы; сердце мое говорит, что он всех любезнее, всех добрее. Я вас не слушаю».

Но Алексей сам говорить начал. «Любезная Наталья! – сказал он. – Тайна жизни моей должна тебе открыться. Воля всевышнего соединила нас навеки; ничто уже не может разорвать союза нашего. Супруг не должен ничего скрывать от супруги своей. Итак, знай, что я сын несчастного боярина Любославского». – «Любославского? Возможно ли? Батюшка сказывал мне, что он пропал без вести». – «Его уже нет на свете! Выслушан. – Ты не помнишь, но, конечно, слыхала о тех волнениях и бунтах, которые лет за тринадцать перед сим возмущали спокойствие нашего царства. Некоторые из знатнейших честолюбивых бояр восстали против законной власти юного государя, но скоро гнев божеский наказал мятежников – рассеялись, как прах, многочисленные их сообщники, и кровь главных бунтовщиков пролилась на лобном месте. Родитель мой по некоторому подозрению, но совершенно ложному, взят был под стражу. Он имел неприятелей, злых и коварных; представили доказательства мнимой его измены и согласия с мятежниками; отец мой клялся в своей невинности, но обстоятельство осуждали его, и рука высшего судии готова была подписать ему смерть... надежда исчезала в душе невинного – один всевышний мог спасти его – и спас. Верный друг, отворил ему дверь темницы – и родитель мой скрылся, взяв с собою самых усерднейших слуг и меня, двенадцатилетнего сына своего. В пределах России не было для нас безопасности: мы удалились в ту страну, где река Свияга вливается в величественную Волгу и где многочисленные народы поклоняются жлепороку Магомету – народы суеверные, но страннoлюбивые. Они приняли нас дружески, и мы около десяти лет жили с ними, не имели ни в чем недостатка, но беспрестанно горевали о своем отечестве; сидели на высоком берегу Волги и, смотря на ее волны, несущиеся от стран Российских, проливали жаркие слезы; всякая птица, летевшая с запада, [15] казалась нам милее; всякую птицу, на запад летевшую, провожали мы глазами и – вздохами. – Между тем отец мой ежегодно посылал в Москву тайного гонца и получал письма от своего друга, которые всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно откроется и что мы с честью можем возвратиться в отечество. Но скорбь иссушила сердце моего родителя, силы его исчезали, и глаза покрывались густым мраком. Без ужаса чувствовал он приближение конца своего – благословил меня – и, сказав: «Бог и друг наш не оставят тебя», умер в моих объятиях. Не буду говорить тебе о горести бедного сироты; несколько месяцев глаза мои не просыхали. – Я уведомил друга нашего о моем несчастье; в ответе своем, изъявляя душевную скорбь о кончине невинного страдальца, умершего в стране иноплеменных и погребенного в земле нехристианской, сей благодетельный друг звал меня в Россию. «Верстах в сорока от Москвы, – писал он, – в дремучем, непроходимом лесу, построил я уединенный домик, не известный никому, кроме меня и надежных людей моих. Там будешь ты жить до времени в совершенной безопасности. Посланный знает сие место». – Я изъявил благодарность мою гостеприимным жителям волжских берегов, простился с зеленою могилою родителя моего, поцеловал и оросил слезою каждый цветочек, каждую травку, на ней растущую, возвратился с верными слугами в пределы России, облобызал отечественную землю – и в густоте темного леса, на узкой равнине, нашел сей пустынный домик, где ты теперь со мною, любезная Наталья. Здесь встретил меня седой старец и сказал дрожащим голосом: «Ты сын боярина Любославского! Господин мой, верный друг его – тот, кто хотел быть вторым отцом

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru твоим и строил для тебя сие жилище, – скончался! Но он помнил о сироте при кончине своей. Здесь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои». – Я поднял глаза на небо; молчал – и слезы мои катились градом. «Кто будет моим помощником? – думал я. – Моим наставником? Я один в свете!.. Всевышний! Ты, кому поручил меня родитель мой! Не оставь бедного!»

Я поселился в пустыне; видел у себя множество серебра и золота, но нимало им не утешался. Через несколько дней захотелось мне побывать в царственном граде, где никто не мог узнать меня. Старый служитель моего благодетеля указал мне на деревьях разные меты, которые вели к большой Московской дороге и которые никому, кроме нас, не могли быть понятны. Я увидел блестящие главы церквей, народное множество, огромные дома, все чудеса великого града, и радостные слезы сверкнули в глазах моих. Златые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенные мною в русской столице, представились моим мыслям как веселое сновидение. Я искал нашего бывшего дому и нашел одни пустые стены, в которых порхали летучие мыши... – Хладный ужас разлился по моей внутренности.

Потом я часто бывал в Москве, останавливаясь в одной тихой гостинице и называя себя иногородным купцом, часто видал государя, отца народного, часто слышал о благодеяниях родителя твоего, когда бояре, собираясь на площади против соборной церкви, рассказывали друг другу все добрые и похвальные дела, украшавшие столицу. Возвращаясь в пустыню, я сражался с дикими зверями, которых мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности, но часто, выпуская из рук добычу, упал на землю и проливал слезы. Везде было мне грустно – в пустом лесу и среди народа. С горестию ходил я по улицам царственного града и, смотря на людей, которые встречались со мною, думал: «Они идут к родным и ближним, их дожидаются, им будут рады – мне идти не к кому, меня никто не дожидается, никто о сироте не думает!» Иногда хотелось мне броситься к ногам государя, уверить его в невинности отца моего, в моей верности к царю благочестивому и поручить его милосердию судьбу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала меня исполнить сего намерения.

Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лесное уединение сделалось для меня еще несноснее. Я чаще прежнего стал ездить в город и – увидел тебя, прекрасная Наталья. Ты показалась мне ангелом Божиим... – Нет! Говорят, что сияние ангелов ослепляет глаза человеческие и что на них нельзя смотреть долго, а мне хотелось беспрестанно глядеть на тебя. Я видал прежде многих красавиц, дивился их прелестям и часто думал: «Господь бог не сотворил ничего лучше красных московских девушек», но глаза мои на них смотрели, а сердце молчало и не трогалось – они казались мне чужими. Ты же первым взглядом влила какой-то огонь в мое сердце, первым взглядом привлекла к себе душу мою, которая тотчас полюбила тебя, как родную свою. Мне хотелось броситься и прижать тебя к моей груди так крепко, чтобы ничто уже не могло разлучить нас. – Ты ушла, и мне показалось, что красное солнце закатилось и ночь наступила» Я стоял на улице и не чувствовал снега, который на меня сыпался; наконец я пришел в себя – стал спрашивать и, узнав, кто ты, возвратился в свою гостиницу и размышлял о милой дочери боярина Матвея. Батюшка часто говаривал мне о любви, которую почувствовал он к матери моей, увидев ее в первый раз и которая не давала ему покоя до самого того времени, и как их повели в церковь. «Со мною то же делается, – думал я, – и мне нельзя быть ни покойным, ни счастливым без милой Натальи. Но как надеяться? Любимый царский боярин захочет ли выдать дочь свою за такого человека, которого отец почитается преступником? Правда, если бы она полюбила меня... с нею и пустыня лучше Москвы белокаменной. Может быть, ошибаюсь – только мне казалось, что она взглядывала на меня ласково... Но я, верно, ошибаюсь. Как этому быть? Такое счастье не вдруг приходит!» – Наступила ночь – и прошла, но глаза мои сном не смыкались. Ты беспрестанно была передо мною или в душе моей – крестилась белою рукою своею и прятала ее под соболью шубейку. – На другой день почувствовал я сильную боль в голове и превеликую слабость, которая заставила меня около двух суток пролежать на постеле». – «Так! – перервала Наталья. – Так! Я это знала; сердце мое тосковало даром. Ни на другой, ни на третий день не было тебя у обедни».

«Однако ж и самая болезнь не мешала мне о тебе думать. Один из слуг моих был в доме твоего родителя, виделся с твоею нянею и уговорил ее прийти ко мне в гостиницу. Я открыл старушке любовь мою, просил, кланялся, уверял в моей благодарности – наконец она согласилась быть мне помощницею. – Прочее ты знаешь. Я видел тебя в церкви – иногда льстилсь быть любимым, примечая в глазах твоих нежную умильность и краску на лице твоём, когда встречались наши взоры, –

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru наконец решил узнать судьбу мою – упал к ногам твоим, и бедный сирота стал счастливейшим человеком в свете. Мог ли я после твоего признания расстаться с тобою? Мог ли жить под другим кровом и всякий час беспокоиться и всякий час думать: «Жива ли она? Не угрожают ли ей какие опасности? Не тоскует ли ее сердце? Ах! не сватается ли за прекрасную какой-нибудь жених, богатый и знатный?» – Нет, нет! Мне оставалось умереть или жить с тобою! Священник загородной церкви, который нас венчал, был не подкуплен, а упрощен мною: слезы мои тронули старца.

Теперь известно тебе, кто супруг твой; теперь совершились все мои желания. Грусть, скука! Простите! Для вас уже нет места в уединенном моем домике. Милая Наталья любит меня, милая Наталья со мною! – Но я вижу томность в глазах твоих, тебе надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходит, и скоро утренняя заря покажется на небе».

Алексей поцеловал Натальину руку. Красавица вздохнула. «Ах! Для чего нет с нами батюшки! – сказала она, прижавшись к сердцу супруга. – Когда мы с ним увидимся? Когда он благословит нас? Когда я при нем поцелую тебя, сердечного друга моего?» – «Тот, – отвечал Алексей, – тот милостивый бог, который дал мне тебя, верно все для нас сделает. Положимся на него: он пошлет нам случай упасть к ногам твоего родителя и принять его благословение».

Сказав сии слова, он встал и вышел в переднюю горницу. Там сидели люди его с нянею, которая (уверившись, что они не разбойники и что длинные ножи служат им только обороною от лесных зверей) перестала бояться, познакомилась с ними и с любопытством старой женщины расспрашивала о молодом их господине, о причине пустынноческой жизни его, и проч. и проч. Алексей пошептал на ухо одному человеку, и через минуту никого не осталось в передней: старушку схватили под руки и увели в другую половину. Молодой супруг возвратился к своей любезной – помог ей раздеться – сердца их бились – он взял ее за белую руку... Но скромная муза моя закрывает белым платком лицо свое – ни слова!.. Священный занавес опускается, священный и непроницаемый для глаз любопытных!

А вы, счастливые супруги, блаженствуйте в сердечных восторгах под влиянием звезд небесных, но будьте целомудренны в самых высочайших наслаждениях страсти своей! Невинная стыдливость да живет с вами неразлучно – и нежные цветы удовольствия не завянут никогда на супружеском ложе вашем! –

Уже солнце взошло высоко на небе и рассыпало по снегу миллионы блестящих диамантов, но в спальне наших супругов все еще царствовало глубокое молчание. Старушка мама давно встала, раз десять подходила к двери, слушала и ничего не слышала; наконец вздумала тихонько постучаться и сказала довольно громко: «Пора вставать – пора вставать!» Через несколько минут дверь отперли. – Алексей был уже в голубом кафтане своем, но красавица лежала еще на постеле и долго не могла взглянуть на старушку, стыдясь – неизвестно чего. Розы на щеках ее немного побледнели, в глазах изображалась томная слабость – но никогда Наталья не была так привлекательна, как в сие утро. Она оделась с помощью своей няни, помолилась богу со слезами и дождалась супруга своего, который между тем занимался хозяйством, приказывал готовить обед и прочее, что нужно в домашнем быту. Когда он возвратился к любезной супруге, она с нежностью обняла его и сказала тихим голосом: «Милый друг! Я думаю о батюшке. – Ах! Он, верно, тоскует, плачет, сокрушается!.. Мне бы хотелось об нем слышать, хотелось бы знать...» – Наталья не договорила, но Алексей понял ее желание и немедленно отправил в Москву человека, чтобы наведаться о боярине Матвее.

Но мы предупредим сего посланного и посмотрим, что делается в царственном граде. – Боярин Матвей долго ждал к себе поутру милой своей Натальи и наконец пошел в ее терем. Там все было пусто, все в беспорядке. Он изумился – увидел на столике письмо, развернул его, прочитал – не верил глазам своим – прочитал в другой раз – хотел еще не верить, – но дрожащие ноги его подогнулись, – он упал на землю. Несколько минут продолжалось его беспамятство. Образумившись, приказал он людям вести себя к государю. «Государь! – сказал трепещущий старец. – Государь!..» Он не мог говорить и подал царю Алексею письмо. Чело благочестивого монарха помрачилось гневом. «Кто сей недостойный соблазнитель? – сказал он. – Но везде найдет его грозная рука правосудия». – Сказал, и во все страны русского царства отправились гонцы с повелением искать Наталью и ее похитителя.

Царь утешал боярина, как своего друга. Вздохи и слезы облегчили стесненную грудь

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolaj.ru несчастного родителя, и чувство гнева в сердце его уступило место нежной горести. «БОГ видит, – сказал он, взглянув на небо, – бог видит, как я любил тебя, неблагодарная, жестокая, милая Наталья!.. Так, государь! Она и теперь мила мне более всего на свете!.. Кто увез ее из родительского дому? Где она? Что с нею делается?... Ах! На старости лет моих я побежал бы за нею на край света!.. Может быть, какой-нибудь злодей обольстил невинную и после бросит, погубит ее... Нет! Дочь моя не могла полюбить злодея!.. Но для чего же не открыться родителю?... Кто бы он ни был, я обнял бы его как сына. Разве государь меня не жалует? Разве он не стал бы жаловать и зятя моего?... Не знаю, что думать!.. Но ее нет!.. Я плачу: она не видит слез моих – умру: она не затворит глаз отца, который полагал в ней жизнь и душу свою!.. Правда, без воли всевышнего ничего не делается; может быть, я заслужил наказание руки его.. Покоряюсь без роптания!.. Об одном прошу тебя, господи: будь ей отцом милосердным во всякой стране. Пусть умру в горести – лишь бы дочь моя была благополучна!.. Нельзя, чтобы она не любила меня, нельзя... (Тут боярин Матвей взял письмо и снова прочитал его.) – Ты плакала; эта бумага мокра от слез твоих: я буду хранить ее на моем сердце как последний знак любви твоей. – Ах! Если ты ко мне возвратишься хотя за час до моей смерти... Но как угодно всевышнему! – Между тем отец твой, сирота на старости, будет отцом несчастных и горестных; обнимая их, как детей своих, – как твоих братии, – он скажет им со слезами: – "Друзья! молитесь о Наталье"». – Так говорил боярин Матвей, и чувствительный царь был тронут до глубины сердца.

Отныне, добрый боярин, жизнь твоя покрывается мраком печали – увя! и самая добродетель не может нас предохранить от горести! Беспреданно будешь ты думать о милой сердца твоего – вздыхать и сидеть, подгорюнившись, перед широкими воротами своего дому! Никто, никто не принесет тебе вести о прелестной Наталье! Царские гонцы возвратятся, и вздох их будет ответом на вопросы твои. Сядут бедные за столы нищелюбивого боярина, но хлеб его покажется им горек – ибо они увидят скорбь на лице своего благодетеля! –

Между тем Алексеев посланный возвратился в пустыню с известием, что боярин Матвей был во дворце царском и что во всей России велено искать его пропавшей дочери. Наталья хотела знать более и спрашивала, что написано было на лице родителя ее, когда он шел из дворца государева, вздыхал ли он, плакал ли, не произносил ли тихонько ее имени? Посланный не мог отвечать ни да, ни нет, ибо он хотя и видел боярина, но смотрел на него не пронизательными глазами нежной дочери. «Для чего, – сказала Наталья, – для чего не могу я превратиться в невидимку или в маленькую птичку, чтобы слетать в Москву белокаменную, взглянуть на родителя, поцеловать руку его, выронить на нее слезу горячую и возвратиться к милому моему другу?» – «Ах, нет! Я не пустил бы тебя! – отвечал Алексей. – Почему знать, что бы могло с тобою случиться? Нет, мой друг! Я не могу и вздумать о разлуке – а ты можешь!» – Наталья почувствовала нежную укоризну и оправдалась перед супругом улыбкою, слезами и поцелуем.

Теперь надлежало бы мне описывать счастье юных супругов и любовников, сокрытых лесным мраком от целого света, но вы, которые наслаждаетесь подобным счастьем, скажите, можно ли описать его? – Наталья и Алексей, живучи в своем уединении, не видели, как текло или летело время. Часы и минуты, дни и ночи, недели и месяцы сливались в пустыне их, как струи речные, не различаемые глазом человеческим. Ах! Удовольствия любви бывают всегда одинаковы, но всегда новы и бесчисленны. Наталья просыпалась и – любила; вставала с постели и – любила; молилась и – любила; что ни думала – все любила и всем наслаждалась. – Алексей то же, и чувства их составляли восхитительную гармонию.

Но читатель не должен думать, чтобы они в уединенной жизни своей только смотрели друг на друга и сидели от утра до вечера, поджав руки, – нет! Наталья принялась за рукоделье, за пальцы и скоро вышила разными шелками и разными узорами две прекрасные ширинки: первую для милого супруга, чтобы он утирал ею белое лицо свое, а другую для любезного родителя. «Когда-нибудь мы поедем к нему!» – говорила красавица и тихонько вздыхала. – Что принадлежит до Алексея, то он, сидя подле своей супруги, рисовал пером разные ландшафты и картинки – любовался тем, что нравилось Наталье, и старался поправить то, что ей казалось несовершенным. Так, любезный читатель! Алексей умел рисовать, и притом весьма не худо, ибо сама природа выучила его сему искусству. Он видел образ кудрявых деревьев в реках прозрачных и вздумал означать тень сию на бумаге; опыт был удачен, и скоро чертежи его сделались верными копиями природы: не только дерева, но и другие предметы изображались им с величайшею точностью. Красавица смотрела на движение руки его и дивилась, как он мог одними чертами пера своего представлять

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru разные виды: то рощу дубовую, то башни московские, то дворец государев. – Но Алексей уже не сражался с дикими зверьями, ибо они (как будто бы из уважения к прекрасной Наталье, новой обительнице их дремучего леса) не приближались к жилищу супругов и ревели только в отдалении. Таким образом прошла зима, снег растаял, реки и ручьи зашумели, земля опушилась травкою, и зеленые пучочки распустились на деревьях. Алексей выбежал из своего домику, сорвал первый цветочек и принес его Наталье. Она улыбнулась, поцеловала своего друга – и в самую сию минуту запели в лесу весенние птички. «Ах, какая радость! Какое веселье! – сказала красавица. – Мой друг! Пойдем гулять!» – Они пошли и сели на берегу реки. «Знаешь ли, – сказала Наталья супругу своему, – знаешь ли, что прошедшею весною не могла я без грусти слушать птичек? Теперь мне кажется, будто я их разумею и одно с ними думаю. Посмотри: здесь, на кусточке, поют две птички – кажется, малиновки – посмотри, как они обнимаются крылышками; они любят друг друга так, как я люблю тебя, мой друг, и как ты меня любишь! Не правда ли?» Всякий может вообразить себе ответ Алексея и разные удовольствия, которые весна принесла с собою для наших пустынников.

Но нежная дочь, наслаждаясь любовию, не забывала и своего родителя. Алексей должен был всякую неделю два или три раза посылать в Москву человека надеваться о боярине Матвее. Вести привозились одинакие: боярин делал добрые дела, печалился, кормил бедных и говорил им: «Друзья! помолитесь о Наталье!» Наталья вздыхала и смотрела на образ.

Однажды возвратился посланный с великою поспешностию. «Государь! – сказал он Алексею. – Москва в смятении. Свирепые литовцы восстали на Русское царство. Я видел, как жители престольного града собирались перед дворцом государевым и как боярин Матвей, именем царя православного, ободрял воинов; я видел, как толпы народные бросали вверх шапки свои, восклицая в один голос: «Умрем за царя-государя! Умрем за отечество или победим литовцев!» Я видел, как русское воинство в ряды становилось, как сверкали его мечи, и бердыши, и копыя булатные. Завтра выдет оно в поле под начальством воевод храбрейших». – Сердце Алексея затрепетало, кровь закипела – он схватил со стены меч отца своего – взглянул на супругу – и меч упал на землю – слезы показались в глазах его. Наталья взяла его за руку и не говорила ни слова. – «Любезная Наталья! – сказал Алексей по некотором молчании. – Ты желаешь возвратиться в дом к своему родителю?»

Наталья. С тобою, мой друг, с тобою! Ах, я не смела говорить тебе; только мне всегда казалось, что мы напрасно скрываемся от батюшки. Увидя нас, он так обрадуется, что все забудет, а я возьму за руку тебя и его, заплачу от радости и скажу: «Вот они; вот те, которых люблю – теперь я совершенно счастлива!»

Алексей. Но мне надобно заслужить прежде милость царскую. Теперь есть к тому случай.

Наталья. Какой же, мой друг?

Алексей. Ехать на войну, сразиться с неприятелями Русского царства и победить. Царь увидит тогда, что Любославские любят его и верно служат своему отечеству.

Наталья. Поедем, мой друг! Лишь бы ты был со мною: я всюду готова.

Алексей. Что ты говоришь, милая Наталья? Там летают смертоносные стрелы, там рубятся мечами: как тебе ехать со мною?

Наталья. Итак, ты хочешь меня оставить? Хочешь моей смерти? Потому что я не могу жить без тебя. Давно ли, мой друг, давно ли говорил ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ехать один, и еще туда, где летают стрелы? Кто защитит тебя?... Нет, ты возьмешь меня с собою – или бедная Наталья не мила уже сердцу твоему?

Алексей обнял свою супругу. «Поедем, – сказал он, – поедем и умрем вместе, если так богу угодно! Только на войне не бывает женщин, милая Наталья!» – Красавица подумала, улыбнулась, пошла и спальню и заперла за собою дверь. Через несколько минут вышел оттуда прекрасный отрок.. Алексей изумился, но скоро узнал в сем юном красавце любезную дочь боярина Матвея и бросился целовать ее. Наталья оделась в платье своего супруга, которое носил он будучи тринадцати или четырнадцати лет. «Я меньшей брат твой, – сказала она с усмешкою, – теперь дай мне только меч острый и копые булатное, шишак, панцирь и щит железный – увидишь, что я не хуже

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karazinniko1ai.ru мужчины». – Алексей не мог нарадоваться своим милым героем, выбрал ему самое легкое оружие, нарядил его в панцирь, сделанный из медных колец (на которых было подписано: «С нами бог: никто же на ны!»[16],[17]), вооружил людей своих, готовых умереть за любезного господина, надел латы покойного отца своего – и через несколько часов в пустынном домике осталась одна Натальяна мама с двумя стариками.

А мы оставим на несколько времени супругов наших, в надежде, что небо не оставит их и будет им защитой в опасностях там, где летают смертоносные стрелы, где мечи сверкают, как молнии, где копья трещат и ломаются, где кровь человеческая льется реками, где герои умирают за свое отечество и делаются бессмертными. Возвратимся в Москву – там началась наша история, там должно ей и кончиться.

Увы! Какая пустота в столице российской! Все тихо, все печально. На улицах не видно никого, кроме слабых старцев и женщин, которые с унылыми лицами идут в церковь молить бога, чтобы он отвратил грозную тучу от Русского царства, даровал победу православным воинам и рассеял сонмы литовские. Добросердечный, чувствительный царь стоит на высоком крыльце своем и с нетерпением ожидает вести от начальников воинства, пошедшего навстречу врагам многочисленным. Боярин Матвей неразлучен с царем благочестивым. «Государь! – говорит он. – Надеюсь на бога и на храбрость своих подданных, храбрость, которая отличает их от всех иных народов. Страшно разят мечи российские; тверда, подобно камню, грудь сынов твоих – победа будет всегда верною их подругою». – Так говорил боярин; думал о благе отечества – и тосковал о своей дочери.

В поту, в пыли прискакал вестник – царь встречает его на половине крыльца и дрожащею рукою развертывает письмо военачальников... Первое слово есть «победа!» – «Победа!» – восклицает он в радости – «Победа!» – восклицают бояре – «Победа!» – народ повторяет – и во всем царственном граде раздавался один голос: «Победа!», и во всех сердцах было одно чувство: радость!

Начальники доносили государю обо всем с величайшею подробностью. Сражение было самое жестокое. Уже первый ряд русского воинства, теснимый бесчисленным множеством литовцев, начинал колебаться и хотел уступить врагу сильнейшему; но вдруг, как гром, загредел голос: «Умрем или победим!», и в то же мгновение от рядов российских отделился молодой воин и с мечом в руке бросился на неприятелей; за ним бросились и другие; все воинство двинулось и, восклицая: «Умрем или победим!», устремилось, как буря, на литовцев, которые, невзирая на великое число свое, скоро побежали и рассеялись. «Мы не можем, – писали начальники, – восхвалить по достоинству того юного воина, которому принадлежит вся честь победы и который гнал, разил неприятелей и собственною рукою пленил их предводителя. Повсюду следовал за ним брат его, прекрасный отрок, и закрывал его щитом своим. Он не хочет объявить имени своего никому, кроме тебя, государя. – Победенные литовцы спешат из пределов России, и скоро воинство твое возвратится со славою во град Москву. Мы сами представим царю непобедимого юношу, спасителя отечества и достойного всей твоей милости».

Царь с нетерпением ожидал своих героев и выехал встретить их в поле, вместе с боярином Матвеем и с другими чиновниками. В Москве никого не осталось; слабые старцы, забыв слабость, спешили за город навстречу к своим детям; супруги и матери, неся младенцев или ведя их за руки, спешили туда же. Первый ряд воинства показался – второй и третий; разноцветные знамена веяли над ними: воины шли с обнаженными мечами, ровным шагом; назади ехали конные – впереди начальники, под сению трофеев. Увидели государя, и восклицания: «Победа и здравие царю российскому!» – загредели в воздухе. Воеводы упали перед ним на колена. Он поднял их и сказал с улыбкою милости: «Благодарю вас именем отечества». – «Государь! – отвечали они. – Мы старались исполнить должность свою! Но бог даровал нам победу рукою сего юного воина». – Тут юный воин, стоявший подле них с потупленным взором, преклонил колена. «Кто ты, храбрый юноша? – спросил государь, простирая к нему правую руку свою. – Имя твое должно быть славно в пределах русского царства». – «Государь! – отвечал юноша. – Сын осужденного боярина Любославского, скончавшего дни свои в стране иноверных, приносит тебе свою голову». – Царь поднял глаза на небо. «Благодарю тебя, боже, – сказал он, – что ты посылаешь мне случай хотя отчасти загладить неправосудие и злобу людей и за страдание невинного отца наградить достойного сына! Так, храбрый юноша! Невинность родителя твоего открылась – к несчастью, поздно! Увы! Я был тогда незрелым отроком, и боярин Матвей еще не имел места в совете моем. Злые бояре оклеветали Любославского; один из них, кончая недавно жизнь свою, признался в

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru несправедливости доносов, по которым осудили невинного. Видишь слезы мои. – Будь же другом царя своего, первым по боярине Матвее!» – «Итак, память отца моего, – сказал Алексей, – чиста от поношения!.. Но я – я винен перед тобою, государь великий! Я увез дочь боярина Матвея из родительского дому!» – Царь удивился. «Где ж она?» – спросил он с нетерпением. – Но боярин уже нашел дочь свою: прекрасная Наталья, в одежде воина, бросилась в его объятия; шишак спал с головы ее, и русые волосы по плечам рассыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смел верить сему явлению, но; сердце чувствительного старца сильным трепетом своим уверяло его, что милая нашлася. Едва мог он перенести радость свою и упал бы на землю, если бы другие бояре не поддержали его. Долго не говорил он ни слова, опустив голову на плечо Наталье, наконец назвал ее именем, как будто бы желая видеть, откликнется ли она, – назвал ее своею милою, прекрасною, – и при каждом ласковом слове сиял новый луч радости на лице его, которое так долго было печальным! Казалось, будто язык его учился произносить давно забытые имена: столь медленно он их выговаривал! и повторял столь часто! Наталья целовала его руки. «Ты меня так же любишь! – говорила она. – Так же любишь!», и теплые ручьи слез договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало в тишине и в молчании. Государь был тронут сердечно, взял Алексея за руку и подвел его к боярину. «Вот, – сказала Наталья, – вот – супруг мой! Прости его, родитель мой, и люби так, как меня любишь!» Боярин Матвей поднял голову, посмотрел на Алексея и подал ему дрожащую руку свою. Молодой человек хотел броситься перед ним на колени, но старец прижал его к своему сердцу вместе с милою дочерью..

Царь. Они достойны друг друга и будут твоим утешением в старости.

«Она дочь моя, – сказал боярин Матвей прерывающимся голосом, – он сын мой... Господи! Дай мне умереть в их объятиях!»

Старец снова прижал их к своему сердцу.

Читатель вообразит себе все последующее. – Старушку няню привезли в город, боярин Матвей простил ее и, призвав к себе того священника, который венчал Алексея и Наталью, хотел, чтобы он снова благословил их в его присутствии. Супруги жили счастливо и пользовались особенною царскою милостию. Алексей оказал важные услуги отечеству и государю, услуги, о которых упоминается в разных исторических рукописях. Благодетельный боярин Матвей дожил до самой глубокой старости и веселился своею дочерью, своим зятем и прекрасными детьми их. Смерть явилась ему в виде юнейшего и любезнейшего внука его, он хотел обнять милого отрока – и скончался. – Больше я ничего не слышал от бабушки моего дедушки, но за несколько лет перед сим, прогуливаясь осенью по берегу Москвы-реки, близ темной сосновой рощи, нашел надгробный камень, заросший зеленым мохом и разломленный рукою времени, – с великим трудом мог я прочитать на нем следующую надпись: «Здесь погребен Алексей Любославский с своею супругою». Старые люди сказывали мне, что на сем месте была некогда церковь – вероятно, самая та, где венчались наши любовники и где они захотели лежать и по смерти своей.

1792

Комментарии

(Г. Макогоненко, П. Берков)

Впервые опубликовано в «Московском журнале», 1792, ч. VIII.

Примечания

1

Подкапок – головной убор.

2

Чепчиками (франц.). – Ред.

3

Галло-альбионские наряды – наряды по французским и английским модам.

4

Дванадцатый праздник – один из двенадцати важнейших праздников, признаваемых

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru
православной церковью.

5

В истине сего уверял меня не один старый человек. (Прим. автора)

6

Зефирова любовница – роза.

7

... в уголке трапезы... – в первой, входной части церкви. Карамзин хочет показать исключительную скромность своей героини.

8

Клоб – клуб.

9

Часы прохлады – то есть отдыха.

10

...хоронили золото... – вели обрядовые игры под песню «Уж я золото хороню».

11

Например, «Прости господи» и прочее тому подобное, что можно еще слышать и от нынешних нянюшек. (Прим. автора)

12

Дафна, Хля – условные литературные имена в идиллической поэзии XVIII – начала XIX в.

13

...замешанные сновидения... – то есть запутанные.

14

Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсем так, как здесь говорят они; но тогдашнего языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только некоторым образом подделаться под древний колорит. (Прим. автора)

15

То есть от России. (Прим. автора)

16

В Оружейной московской палате я видел много панцирей с сею надписью. (Прим. автора)

17 никто на нас [не пойдет] (слав.). – Ред.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Наталья, боярская дочь. Николай Михайлович Карамзин karamzinnikolai.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!